

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том “Степей”, следуя традиционному хронологическому комплектованию статей, продолжает публикацию интерпретационно развернутых материалов экспедиций и сугубо аналитических исследований по степной средневековой археологии Восточной Европы. На этот раз сборник посвящен золотоордынскому времени.

Еще недавно серийные сборники статей по золотоордынской тематике, где параллельно были представлены материалы по археологии, нумизматике, эпиграфике, искусству, исторической антропологии и на стыке этих дисциплин, выходили только в Казани (“Татарская археология”). Потом появились “Степи”: том 3 (2003 г) и том 6 (2008 г), а сегодня с удовлетворением можно отметить функционирование еще одной казанской междисциплинарной серии “Золотоордынская цивилизация”, которая, очевидно, будет издаваться как ежегодник. В 2008, 2009 гг вышли первые два номера. Параллельно с этими изданиями со все нарастающим количеством выходят в свет статьи и в разных хронологически смешанных сборниках, периодически появляются монографии. Все это свидетельствует о заметном подъеме золотоордынской тематики. Но чем обусловлено такое оживление? Явилось ли оно только следствием естественных причин, связанных со значительным увеличением источниковой базы, популяризацией средневековой степной археологии в постсоветском пространстве и возможностью писать сегодня о Золотой Орде все, что исследователь считает нужным, или речь идет еще и о неких идеолого-политических установках и стремлениях? Пожалуй, последний фактор нельзя исключать – таковы реалии жизни, где одни приоритеты сменяются другими. Но хочется верить, что историческая объективность объяснения археологических фактов не окажется от этого в той или иной зависимости. Так или иначе, но исследовательско-издательская активизация по золотоордынской тематике, конечно же, стала для “золотоордынцев” долгожданным явлением.

Каждая из упомянутых выше золотоордынских серий, безусловно, имеет свое лицо, цели и новые перспективные издательские планы. Отличаются они и оригинальной “дисциплинарной линией”. Так, если в “Татарской археологии” доминирующая дисциплинарная направленность (несмотря на название) довольно широка, а ведущей линией в “Степях” является рассмотрение, в первую очередь, археологического материала, то основной исследовательской задачей серии “Золотоордынская цивилизация” явственно стала реконструкция истории Ордынской империи и заметное возвеличивание Золотой Орды.

В предисловии не место спорить о вкусах и приоритетах тех или иных издательских проектов. Будет полезно и интересно идти параллельным курсом, расширяя и дополняя исследовательское поле новыми постановками и версиями. Но на некоторых моментах, касающихся методологии исследования, все же стоит заострить внимание.

Никто из специалистов не оспаривает огромного значения Золотой Орды в судьбах культур и народов Юго-Восточной Европы, и говорить сегодня об этом банально. Не столь важны, на мой взгляд, и развернувшиеся в последнее время на конференциях споры относительно того, заслуживает ли Орда громкого эпитета “Золотоордынская цивилизация” или нет. Во всяком случае, эти споры пока выглядят бесплодными, потому что “аргументы” с обеих сторон построены больше на ощущениях и эмоциях, чем на строгом обсуждении критериев, формирующих такой уровень развития государства. Как мне представляется, перед всеми исследователями, занимающимися историческими источниками, стояла, стоит и будет стоять задача их методически грамотной публикации, а все остальное – вторично.

Редакция “Степей” так же, как и редколлегия казанской серии, стремится к публикации на страницах сборников источников, сопровождающихся расширенной аналитической частью, но при этом, в отличие от главного редактора “Золотоордынской цивилизации” И.М.Миргалеева, историческую интерпретацию я не считаю напрямую вытекающей из археологического материала. Кроме того, историческая интерпретация, на мой взгляд, не может быть ни первичной, ни вторичной частью исследования, ни тем более основной, как это пытается представить наш коллега, а всегда является только объяснительной, версионной и во многом субъективной, поскольку всегда и неизбежно происходит достраивание живой мысли исследователя к мертвым артефактам археологической культуры. Тезис И.М.Миргалеева о том, что “археология для средневекового периода [выделено мною – А.Е.] является только вспомогательной дисциплиной, и не более того, так как средние века, в том числе и Золотая Орда, достаточно хорошо зафиксированы в письменных источниках, имеется огромная историография тематики” (Миргалеев И.М., 2009, Золотоордынская цивилизация, т. II, с.7), выглядит, по меньшей мере, заблуждением. По И.М.Миргалееву получается, что

для большей части культурного развития человечества археология дописьменного периода является полноправной исторической дисциплиной, а для меньшей (письменного периода) – вспомогательной. Нам кажется, что у коллеги невольно получился некий “компромиссный”, новый взгляд на “старый спор” о статусе археологической науки – вопрос, давно решенный (см. труды Л.С.Клейна, например, “Введение в теоретическую археологию”, СПб., 2004). Одним словом, это не тот случай, когда истина лежит где-то посередине.

Археология традиционно разделяется на дописьменный и письменный периоды, но это лишь хронологическое подразделение, где, с одной стороны, дописьменные эпохи – камня и бронзы, а с другой – письменные (античность и Средневековье). Каждая из этих двух больших хронологических частей культурного прошлого имеет свои закономерности и особенности, но это не повод для разделения археологии на вспомогательную и основную части. Впрочем, археологию можно назвать “вспомогательной наукой”, но не в смысле ее некой структурной подчиненности истории, а лишь как поставщика переведенных на исторический язык фактов. Каждая наука является для другой науки, в известной степени, вспомогательной и часто это взаимно. Понятно ведь, что каждый вид источников, включая и письменные, не дает всестороннего представления об обществе и культуре, о событиях прошлого и даже об отдельных вещах. Поэтому именно междисциплинарный характер многих археологических изданий способствует более полному освещению источников, но и такой подход еще не гарантирует решение вопроса.

В сборнике помещено 13 работ: из Украины (4), России (8) и одна совместная статья, написанная специалистами из Украины и России. Как и в предыдущих томах серии, в восьмом томе публикуются статьи не только по сугубо археологическим проблемам, но и по смежным дисциплинам – исторической географии, джучидской нумизматике, а также историко-технологическому исследованию текстиля.

Открывает сборник статья **И.В.Волкова** по исторической географии, где в критическом ключе рассматриваются сочинения двух путешественников – суздальского епископа Дионисия (1379 г) и венецианского посла Амброджио Контарини (1476 г), проехавших по Волге. В сочинениях содержится особо важная информация о регионе, примыкающем к Новому Сарая. Причина скрупулезного обращения И.В.Волкова к этим сведениям вызвана появлением в последнее время ряда работ, где утверждается, что в Золотой Орде была только одна столица – Сарай (Селитренное городище), а самое большое городище – Царёвское – является не Новым Сараем, а Гюлистаном. Главная задача исследования коллеги состоит в определении того, к какому из двух Сарая относятся неоднократные упоминания этого названия в текстах письменных источников. В археологическом плане приходится делать выбор из двух городищ – Селитренного и Царёвского, которые традиционно сопоставляются с Сараем и Новым Сараем. При этом важно учитывать, что Царёвское городище огромно, вплоть до конца XIX в. его протяженность оценивалась не менее, чем в 90 км, а северная граница развалин находилась в районе ответвления Ахтубы от Волги. И.В.Волков убежден, что независимые источники при правильном их прочтении указывают на расположение Сарая в районе сближения Волги и Дона. Исходя из этого, новые утверждения о взаиморасположении Нового Сарая и Гюлистана неверны.

В рамках нашего сборника **А.Г.Юрченко** удалось реализовать свою давнюю задумку – полную, развернутую публикацию Каталонского атласа 1375 года. Существующие точки зрения о том, что Каталонский атлас является то ли портоланом, то ли картой мира, автор отвергает, предлагая рассматривать его как космографический трактат, при этом подчеркивая, что язык этого трактата необычен, а пространство карты покрыто различными знаками (символами, фигурами, миниатюрами). Картограф, как считает исследователь, занимается две темы: происхождение чумы 1348 г и пути к странам, где добывают золото. В таком случае можно дать объяснение странному обстоятельству: почему все правители, изображенные на карте, жили до вспышки чумы 1348 года. Это связано с тем, что картограф моделирует ситуацию в мире до начала пандемии. Исторические фигуры на карте (монгольские ханы Джанибек, Кебек и Хубилай) – такие же символы, как и фигуры царицы Савской и Александра Великого. Атлас, по мнению А.Г.Юрченко, имеет трехчастную структуру, которая повторяет структуру всемирных хроник. Трехчастной структуре пространства на карте соответствует трехчастная структура времени: время Бога, создавшего космос, перетекает в земное время и завершается концом человеческой истории. Как бы не относиться к этим построениям автора, но прослеживая его ход мыслей, читатель может увидеть скрытые слои информации, недоступные при традиционном взгляде на карту.

В сборнике продолжена серия публикаций **Э.Д.Зиливинской** об архитектуре средневековых городов Нижнего Поволжья. На этот раз исследовательница посвятила свой материал обобщению планировки, традиций и инноваций усадебных и дворцовых зданий. Автор пришла к закономерному и, на мой взгляд, прогнозируемому заключению, что генезис различных типов усадебных домов не одинаков. Здания наиболее простой планировки характерны для оседающих на землю кочевников, а более сложностроенные

дома с айванами, внутренними дворами и дворцовые здания зально-айванной планировки возведены под влиянием зодчества Средней Азии. За архитектурную основу жители золотоордынских городов взяли типично среднеазиатскую планировку, но применили к ней свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, из Китая. В то же время Э.Д.Зиливинская предостерегает, что в их архитектуре нельзя видеть прямое заимствование.

Достаточно большой неожиданностью явилось обнаружение практически на пограничье Руси и Золотой Орды в верхнем течении Северского Донца многослойного поселения эпохи Раннего (VIII в.) и Развитого Средневековья (Золотая Орда), открытого в 2006 г харьковскими археологами **И.Б.Шрамко** и **С.А.Задниковым**. Остатки раннесредневековых жилищ с печами-каменками предварительно отнесены авторами к VIII веку. Среди комплексов золотоордынского периода выделены группы сооружений, различающиеся размерами, конструктивными особенностями и назначением (жилье и хозяйственные постройки, хозяйственные ямы, печь). В материальной культуре памятника заметно преобладание типов керамики, железных орудий и предметов вооружения, формы которых обычны для русских поселений XIV века. Интересно, что небольшое количество посуды, найденной на селище, изготовлено в алаано-болгарских керамических традициях. Единичными экземплярами представлены предметы импорта. Для датировки комплексов монгольского времени важны находки серебряных монет Мухаммеда Булака и обломков чугунных котлов.

А.Н.Масловским анализируется самая многочисленная группа византийской красноглиняной керамики Азака. Предлагается типология форм сосудов, описывается орнаментика, определяются общие хронологические рамки и динамика поступления посуды в Азак, делается предположение о месте ее производства. Данная группа керамики выступает в качестве основания для узкой датировки золотоордынских комплексов кон.XIII – 1-й пол.XIV века. Примечательно, что эта керамика, по мнению автора, не оказала никакого влияния на местное производство поливной посуды.

Статья **М.В.Горелика** посвящена шлемам золотоордынского времени Северного Кавказа (Прикубанья и Пятигорья), происходящих из частных коллекций. Материал, по которому идут многолетние споры, автор распределяет на две большие хронологические группы, относящиеся: 1) к половцам сер.XIII – 1-й трети XIV в.; 2) XIV – нач.XV в. Большинство шлемов автор относит к золотоордынскому оружейному мастерству, часть, более узко, к изделиям черкесских мастеров. Лишь один из шлемов – уникальный в качестве реального предмета, но хорошо известный по изображениям, связан с южноевропейской традицией византийского круга XIII-XIV вв.

Статья **Т.М.Потемкиной** и **Ю.А.Кулешова** посвящена этнокультурному и социальному аспектам погребального обряда поздних кочевников с защитным вооружением. Внушительная выборка, состоящая из 160 погребений, датируется XII-XIV веками. В комплексах X-XI вв. кольчуга и шлем отсутствуют. Исследователи обращают внимание на некоторые семиотические аспекты функционирования такого рода вещей в погребальном обряде. Коренная ломка мировоззренческих установок погребального обряда восточноевропейских кочевников, по их мнению, связана с приходом кочевых волн во главе с монголами и образованием Джучидского государства. Это общеизвестный факт, но в контексте статьи важно было показать какие конкретно механизмы влияли на погребальный обряд. Вместе с прежним дозолотоордынским надетым доспехом (т.е. находящимся на утилитарно обусловленном месте) во 2-й пол.XIII – XIV в. появился новый обряд: шлемы и кольчуги стали укладывать в различных частях могилы. Жаль, что исследователи не поставили перед собой задачу дать хотя бы рабочий вариант семантического объяснения “нестабильным позициям” доспеха, тем более, что признаки погребального обряда скоррелированы ими всесторонне и с завидной педантичностью.

А.Б.Супруненко и **С.В.Маевская** вводят в оборот исключительно интересное, неординарное погребение девочки-кочевницы золотоордынского времени, обнаруженное на р.Псёл. Работа является русскоязычным вариантом (с рядом дополнений и исправлений) монографии “Уникальный комплекс золотоордынского часу поблизу Волошиного”. Реконструированные элементы текстильно-кожаного костюма девочки позволяют впервые для памятников средневековых европейских кочевников получить объёмное представление о детской золотоордынской одежде и обуви.

В статье **Т.Н.Крупы** проведено очередное комплексное оптико-физическое и химико-технологическое исследование образцов текстиля золотоордынского времени из могильников “Мамай-Гора” и “Мамай-Сурка”. По мнению автора, почти весь рассматриваемый в публикации текстиль импортного производства. Например, шёлк и хлопковая ткань технологически определяются как китайские.

В работе **И.В.Матюшко** на базе 276 погребений, раскопанных в Степном Приуралье, анализируется типология надмогильных сооружений кочевников XIII-XIV веков. Автор считает, что на тип надмогильного сооружения оказывали влияние религиозный и социальный факторы, а также этнические традиции.

Два кочевнических погребения из курганной группы “Мирное” вводятся в научный оборот в статье **Н.М.Данилко** и **О.А.Поляковой**. В одном из комплексов внимание привлекает не только относительно хорошо сохранившаяся конструкция арбы, но и то, что в погребении захоронена женщина. Это еще одно подтверждение того, что арба в женских погребениях встречается несколько чаще, чем в мужских, а значит анализ этого явления еще предстоит развернуть. Погребальный обряд и инвентарь указывают на XIII век. В другом кургане на решетчатом настиле обнаружено раннезолотоордынское рядовое захоронение воина с саблей.

Погребению кочевника XIII – 1-й пол.XIV в., раскопанного у с.Лосево в Степном Прикубанье, посвятили свою статью **В.Н.Чхаидзе** и **И.А.Дружинина**. Среди предметов погребального инвентаря выделяют шлем, серебряные нагрудные бляхи, сабля, серебряная распрямленная гривна, бронзовый котел. Авторы считают, что восточная ориентировка и серебряная гривна свидетельствуют о принадлежности погребенного к половецкой аристократии золотоордынского времени.

Сборник завершает статья “Нумизматическое наследие Царёвского городища на Ахтубе”, подготовленная **В.Б.Клоковым** и **В.П.Лебедевым**. Документальных свидетельств о названии, дате основания города и периоде его функционирования не известно, а потому дискуссия о нем продолжается и ныне. До XX в. у специалистов не было и тени сомнения, что остатки городища являются столицей Золотой Орды – Сараем, а в XX в. за городом прочно утвердилось название Сарай ал-Джаид. Поэтому появление и развитие точки зрения о том, что на месте Царёвского городища располагался город Гюлистан, выглядит по-новаторски, но, как мне кажется, строится на поверхностном взгляде на источники. В данной работе заново подробно проанализирован весь опубликованный нумизматический материал из раскопок и сборов на Царёвском городище с середины XIX по конец XX в., а также исследован большой нумизматический комплекс из 5858 монет и нескольких артефактов сфрагистики, собранных в 2001-2005 годах. Авторы установили, что город был воздвигнут в начале 40 гг XIV в. и полностью разрушен в результате внутриордынских междоусобиц в 1368 г. и более как город не возродился. Через 10-20 лет на территории его бывшего южного пригорода возникло новое небольшое поселение, погибшее во время нашествия войск Тимура в 1395 г.

А.В.Евлевский